

«СИНЯЯ ПТИЦА» ГРАФА ТОЛСТОГО

Заслуженный лесовод Республики Башкортостан, кандидат сельскохозяйственных наук Андрей Александрович Баталов рассказал мне про эту ель, растущую в глубине квартала близ его деревянного дома на улице Цюрупа, уже давненько. Сколько раз собирался съездить и посмотреть на нее, да все как-то разные неотложные дела мешали. Потом мы созвонились (это было холодной зимой 2006-ого), и выяснилось, что Андрей Александрович «сидит на чемоданах», потому как со дня на день расселяют весь оставшийся здесь частный сектор, и пойдет эта территория под крупномасштабную застройку.

И вот в субботний февральский день мы встретились. Следует сказать, что интерес мой был подогрет не только увлекательной историей, поведенной Андреем Александровичем, о возможном «дворянском» происхождении этой ели, но и ее ботанической принадлежностью – ведь это была не наша родная сибирская ель, которая кое-где встречается в Уфе, особенно в старой части города. В данном случае речь шла о *голубой ели*, которая как ботанический вид пришла к нам из далекой Северной Америки (ее правильное научное название – ель колючая форма голубая).

Собственно говоря, голубыми елями в Уфе сейчас никого не удивишь – массовые посадки их в городе начались в 50-70-х годах XX века, после того как Уфимский ботанический сад занялся размножением этого дерева (см. очерк о дендрологе А.С. Сахаровой, опубликованный на сайте Башкирского отделения РГО в разделе «История с географией» в 2017 г.).

Так вот, по свидетельству Андрея Александровича (а ему стало известно об этом от отца и дяди, а тем, стало быть, от деда – Иосифа Гавриловича Баталова, в 1920-30-х годах – крупного хозяйственного деятеля, сотрудника Уфимского и Губернского землемерных ведомств), ель эта посажена была самим графом Петром Петровичем Толстым на своей усадьбе, уголок которой сохранился позади нынешнего баталовского двора. Что же получается – возраст

этой ели может быть тоже приближается к вековому, и «помнит» она события давние и трагические...

Граф Петр Петрович Толстой (1870-1918)

Фото: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Тут следует напомнить, кем был Петр Петрович. А был он в городе и губернии в начале XX века фигурой известной и уважаемой: выпускник физико-математического и юридического факультетов Московского университета, крупный земский деятель Казанской и Уфимской губерний, почетный мировой судья Уфимского уезда, член Уфимской городской думы и Депутат 1-ой Государственной думы от Уфимской губернии. И графский титул он действительно имел, и состоял в отдаленном родстве с известным всему миру писателем. А еще издавал в 1915-1918 годах газету «Уфимская жизнь», был председателем Союза сельских хозяйств и посеvщиков Уфимской губернии. В апреле 1917 года он возглавил Уфимский губернский комитет партии кадетов, а после Октябрьского вооруженного переворота открыто обвинил большевиков в узурпации власти. В конце мая 1918 года, в преддверие наступления на Уфу объединенных сил белочехов и белогвардейцев, Толстой вместе со многими другими представителями городской интеллигенции был

арестован большевиками; около 100 заложников вывезли на баркасе вниз по Белой, и в конце июня восемь из них, включая Толстого, были казнены чекистами.

Но вернемся от тех печальных событий в нынешнее время. Предположение о дореволюционном возрасте голубой ели на Цюрупа, конечно, требовало проверки. И вот с Андреем Александровичем, мимо потемневших и покосившихся от времени бревенчатых зданий, мы направляемся в эпицентр частного сектора. «А это как раз и есть главный “корпус” толстовской усадьбы» – показывает мой проводник на большое одноэтажное здание с палисадником, под номером 60/1. Видя мое удивление, он продолжает: «Да, жилой дом сохранился, но на усадьбе, как рассказывали, имелись и другие постройки – летняя кухня, подсобные помещения, конюшня и даже оранжерея. Петр Петрович был большим любителем природы и на своем участке позади дома разбил целый сад».

Усадьба графа П.П. Толстого на ул. Цюрупа в г. Уфе
(снесена в 2006 г.). *Фото В.П. Путенихина*

Мы как раз обогнули толстовские «хоромы» и попали в заросшее буйным кустарником пространство, зажатое со всех сторон другими подворьями. И я не удержался от восхищенного возгласа – это не дерево, а голубая длинношеяя птица рвалась в полет, но вот внизу она будто зацепилась за что-то невидимое, не в силах оторваться. Такой изящной голубой ели – почти пирамидальной, одетой густой синеватой хвоей, с пушистыми крыльями-ветвями, словно прижатыми к телу в стремительном броске – мне видеть еще не доводилось. Куда же ты нацелилась всем своим существом: то ли в будущее с какой-то важной вестью из минувших лет, то ли, наоборот, – на встречу с давно ушедшим прошлым?

Однако эмоции надо чередовать с рассудительными действиями. Сквозь глубокий снег и колючие кусты мы пробрались к подножию дерева. Провели необходимые обмеры: диаметр ствола составил 51 см, высота дерева – 21 м, а ширина кроны – 4 на 4,5 м (обычно же форма кроны у голубой ели конусовидная – с шириной на 1,5-3 м больше). Потом попытались взять керн для определения возраста дерева по годичным кольцам, но не тут то было – древесина словно застыла в бетон. Пришлось отложить процедуру до более теплых дней.

Мы постояли под сенью кроны, и Андрей Александрович продолжил рассказ: «На усадьбе Толстого, кроме всего прочего, было много сирени, в том числе, крупноцветковой и махровой. Вон там слева, примыкает мой двор, а по эту сторону, куда, видимо, тянулась усадьба, и где сейчас стоит средняя школа № 21, до и после войны располагался участок садовода-любителя Путинцева. Так вот, сирень для своего сада он взял с усадьбы Толстого, и мой дядя тоже принес оттуда отростки – эта белоснежная “толстовская” сирень до сих пор растет у меня во дворе».

Покинув ель, мы вернулись на участок Андрея Александровича, где он показал мне те самые кусты сирени, несколько старых яблонь, а также другие деревья и кустарники, которые посадил уже сам.

«Толстовская» голубая ель (завершила свой земной путь в ходе застройки территории). *Фото В.П. Путенихина*

«У Путинцева был плодовый сад, возможно тоже часть того толстовского наследия» – мой рассказчик перешел уже к собственным детским воспоминаниям – «после войны предприимчивый садовод продавал на рынке фрукты и даже виноград, который выращивал у себя на плантации в открытом грунте. Помню, что рос виноград и в нашем дворе, и была даже фотография крупных сочных гроздьев. Говорили, что виноград этот был получен Путинцевым у Лидии Николаевны Стреляевой» – знаменитого селекционера, которая еще в 30-х годах начала работу по выведению местных сортов винограда на Кушнаренковской (Топорнинской) плодово-ягодной станции.

Во время прогулки по уютному баталовскому дворику и саду обратил я внимание, что рассказывает обо всем этом хозяин хотя и увлеченно, но с какими-то щемящими нотками в голосе. На втором этаже двухэтажного,

сложенного из почерневших толстых бревен дома, тоже немало повидавшего на своем веку, располагалась его квартира. «Так, значит, сколько Вы здесь прожили?» – осторожно поинтересовался я у собеседника. «Да ровно шестьдесят лет и три года – как, значит, родился в этом вот доме, так, сколько себя помню, и встречает меня поутру эта толстовская ель-красавица. Ну да теперь вот переезжаем с хозяйкой в новые апартаменты в Сипайлово, можно сказать – заново жизнь начинаем».

Надо признаться, ощущение старины и размеренного патриархального быта, охватившее меня, пока мы гуляли по этому чудом сохранившемуся островку незатейливого деревянного зодчества в самом центре Уфы, вскоре получило еще большее наполнение. Андрей Александрович пригласил меня в дом отведать чаю с морозца. Поднялись по скрипучей с фигурными перильцами лестнице. Вошли в горницу и оттуда в гостиную и зал с лепными потолками, старинной резной мебелью ручной работы, массивной, украшенной изразцами, печью, изящной виоланчелью и портретами родственников в декоративных рамках. Здесь я окончательно почувствовал себя если не XIX веке, то уж во всяком случае – в начале XX-ого. Мы беседовали, прихлебывая ароматный чай и смакуя аппетитные пирожки, приготовленные гостеприимной хозяйкой, а в широкое светлое окно все-время заглядывала голубая «птица».

А вскоре (в марте 2006 г.) снова навестил я голубую ель; уже последние обитатели этой затерянной среди многоэтажек деревянной слободки покидали свои обжитые места – там разобрана крыша, здесь зияют пустые окна. И лишь ель-птица по-прежнему не сдвинулась с уготованного ей судьбой гнезда. Какой же одинокой и несчастной она мне показалась! Я подошел и ободряюще потрепал ее по крыльям-ветвям. Потом извлек из-под коры тоненький стерженек древесины: она перенесла эту процедуру абсолютно безропотно... Подсчет сделал сразу же, привалившись спиной к шершавому стволу:

получилось, что посажена она была в 1916 году (плюс-минус один год). И, по всей видимости, – это самая первая голубая ель в Уфе!

Представилось еще, как много лет назад стоял на этом самом месте 45-летний граф Петр Петрович Толстой и бережно «определял на жительство» маленькую голубую елочку: обильно полил ее под корень, погладил по макушке и размышлял: «Вырастешь большая и, словно волшебная *синяя птица*, перенесешь сквозь время наш старинный привет счастливым потомкам». Потом привиделся майский день 1918-го, когда конвой уводил из дома неугодного графа, и подросшая елочка, пытаясь сорваться с места, бессильно махала вслед ему тонкими ручками. Так, может, память о прошлом взывает к нам в лице переживших время деревьев.

Жаль, что эту живую память в образе синей птицы-ели мы не сберегли...

Путенихин В.П. Цивилизация деревьев: научно-популярные очерки о природе. Уфа: Информреклама, 2007. 140 с.

Путенихин В.П. Голубая мечта графа Толстого // Русское Географическое общество. Башкирское отделение / Реж. доступа: <http://www.rgo-rb.ru/category/istoriya-s-geografiej/>. Апрель 2019 г. 7 с.